

БАШКИРСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Ф. Т. Кузбеков

Башкирский государственный университет

Поступила в редакцию 21 марта 2019 г.

Аннотация: в статье исследуются национальные традиции публицистических выступлений в башкирской поэзии, начиная с творчества сээнов (поэтов-импровизаторов), выявляется роль поэтической публицистики в процессе обмена актуальной информацией в обществе. Прослеживая ее эволюцию, автор обращает внимание на национальное своеобразие современной башкирской публицистики в целом.

Ключевые слова: национальные традиции, поэтическая публицистика, сэсэн, информация, Башкирские восстания, Урал.

Abstract: this article examines national traditions of journalistic performances in the Bashkir poetry, starting with creation of sasanov (poets-improvisers). The role of poetic journalism in the process of exchange of relevant information in society is revealed. Tracing its evolution, the author draws attention to the national identity of modern Bashkir journalism as a whole.

Keywords: national traditions, poetic journalism, Sesan, the information of the Bashkir revolt, the Urals.

Поэтическое слово издавна очень высоко ценилось у башкир, обладая «магической силой» [1, 24]. И далеко не случайно, что башкирская письменная литература до XX в. существовала в основном в поэтических жанрах. На такую особенность, в частности, обращал просветитель-демократ Мухаметсалим Уметбаев (1841–1907): «Во всем Башкортостане очень мало произведений в прозе. В общем, на Востоке больше склонны писать стихами» [2]. К таким выводам приходит и современный исследователь литературы Г. Кунафин: поэзия нередко «заменяла собой публицистические выступления, философские, морально-этические, религиозные трактаты, исторические записи» [3, 3]. Вот как описывает «башкирского трубадура Абдуллу» английский путешественник М. Уоллез, побывавший в Башкортостане в 1870-е гг.: «...он был хорошо знаком не только с музыкой, но и с преданиями, историей, суевериями и знаниями своего народа» [4, 121].

Обращение к поэзии как к средству информирования и организации людей для выполнения определенных действий было характерно для разных народов. По утверждению В. Ученовой, «в летописях и сагах неоднократно упоминается о том, что песни о героических деяниях исполнялись перед войском, идущим в битву, чтобы возбудить мужество примером предков» [5, 83].

К поэтическим жанрам обращались Хабрау, Махмут, Баик Айдар сэсэн и др. [6]. Живший в XVI в. Кубагуш сэсэн истинного поэта-импровизатора охарактеризовал следующим образом:

Хорошее на века прославит,

Болью страны до сердца достанет;

Коль надобно на бой призовет... [7, 45].

Хабрау, с тревогой говоря о приближении монголо-татар, страстно призывает к защите Родины, ибо, по убеждению сээна, на занятой врагом земле нет жизни настоящему мужчине:

Храбрый джигит умирает,

Когда родину враг занимает... [8, 164].

Башкиры, будучи кровно связаны с родной землей, боготворили ее, преклонялись перед нею, как перед родной матерью. Словом, чувствовали себя частью, детьми этой природы. Подобная связь способствовала формированию таких национальных черт характера, как бесхитрость, простота, широта души. Неслучайно Л. Толстой, говоря, что от башкир «Геродотом пахнет» [9, 55], подчеркивал глубину исторических корней башкир, их близость к природе.

На основе сыновней привязанности к краю сложился единый символ Родины — Урал. В старинной песне «Урал» — своеобразном национальном гимне башкир — эти пылкие чувства выражены следующим образом:

Урал, тебя и взором не объять нам,

Нет скал твоих прекрасней и светлей.

Твои объятья — матери объятья,

Что прижимает ласково детей... [10, 26].

Этот объединяющий весь народ символ поднимал их на защиту родной земли. В то же время в течение столетий, живя бок о бок с русскими, они стали воспринимать Россию как большую Родину. Именно поэтому, несмотря на ряд вооруженных восстаний против колониального гнета, они поднимались, когда возникала необходимость, вместе с русскими на общего врага.

Участник Крестьянской войны 1773–1775 гг. Байк Айдар сэсэн после подавления восстания вынужден был скрываться от властей, однако в грозный час, когда наполеоновские полчища пересекли российскую границу, открыто выступил перед народом на майдане. Люди собрались для того, чтобы обсудить вопрос о своей позиции в связи с обращением русского царя. Выказывались и такие мнения: стоит ли проливать свою кровь за русских, которые еще совсем недавно так круто обошлись с башкирами. Сэсэн терпеливо выслушал все доводы. Старейшины родов никак не могли прийти к единому мнению. Тогда Байк Айдар сказал свое поэтическое слово, оказавшееся решающим:

Говорят, в Москве шум и гам,
Враг подошел к ее вратам,
Пусть то будет француз иль кто –
Он захватчик, грозящий нам.
Блага нам от него не ждать,
Земля под ним должна запылать! [10, 74].

Последние слова сэсэна вызвали горячий энтузиазм собравшихся, которые решили снарядить и снарядили за свой счет конно-казацкие полки.

Начиная же с XV в., наряду с устной, стали формироваться и письменные традиции передачи актуальной, социально значимой информации. Говоря словами французского исследователя эпоса Л. Готье, «века песни уступали место векам письменности» [11, 242]. Тем не менее фольклор еще долгое время соседствовал с письмом. В этом плане особо примечательны кубаиры. Это — своеобразные «филиппики» башкирских сэсэнов. Направленные против иноземных поработителей, они, как поэтические призывы и обращения, пронизаны сквозной идеей собрать силы для отпора врагу, объединиться во имя сохранения независимости.

Таким образом, сэсэнны поднимали наиболее актуальные проблемы общественно-политической жизни, стремились оперативно воздействовать на общественное мнение. Их творчество вплоть до конца XIX в. выполняло незаменимую роль консолидирующего начала ради сохранения, ради защиты народа как нации. Поэтому центральной идеей в их произведениях было воспитание, развитие национального самосознания, национального достоинства. Они использовали в этих целях весь арсенал художественных средств. На этой основе сложился символ Родины — Урал. Таковым он остается для башкир и сегодня. [12, 20].

Историческим трагизмом, документальностью были пронизаны и произведения поэтических жанров. Народная песня «Тафтиляу» повествовала о жестоком предводителе карательных отрядов по подавлению башкирского восстания 1735–1740 гг. [10, 106]. Дошедшие до нас документы подтверждают:

«...и он, Тевкелев с офицеры определили следующее чинить: вышеупомянутых жителей деревни Сеянтусы... не щадя никого от большого до малого как мужского пола, так и женского, искоренить и всех без остатку переколоть, а ту деревню Сеянтус выжечь до основания» [13]. «И таким образом вся она деревня Сеянтусы, жители с их женами и детьми от мала до велика чрез одну ночь бичем и оружием изрублены, а жилища их в пепел обращены» [14, 20].

Убедительно описывает содержание песни, которая ценна для нас прежде всего информативной стороной (здесь говорится о другом руководителе по подавлению того же восстания генерал-майоре Л. Соймонове), известный русский писатель и публицист Д. Мамин-Сибиряк: «О, проклятый, проклятый генерал Соймонов, — пел старик. — Ты построил город Оренбург... Проклятый генерал Соймонов, ты поставил на горе двенадцать каменных столбов, на каменных столбах поставил двенадцать железных шестов, а на шести посадил двенадцать башкирских старшин, лучших башкирских старшин, проклятый генерал Соймонов. Тут же на горе ты собрал три тысячи лучших башкир и отрезал им уши, другим отрубил руки, а четыреста человек повесил, кого за шею, кого за ребро. Вот какой ты, проклятый генерал Соймонов!» Башкиры сидели, склонив бритые головы. Плачущий речитатив невольно захватил всех. Что-то было особенное во всей картине, точно в самом воздухе реяли незримые тени посаженных на кол башкирских старшин, повешенных и измученных...» [15, 227]. Такова была публицистическая сила информации, приобретшей форму песни [16, 28].

Вершиной поэтического обращения к своему народу Салавата является кубаир «Присоединяясь к Пугачеву». В нем отражен дух манифестов Пугачева. Художественно-публицистическими средствами автор передает информацию о том, что обещает Петр III всем обездоленным:

С закованных в оковы
Оковы сниму, сказано.
С ног стреноженных
Пути сниму, сказано,
Оставшемуся без земли башкиру
Землю верну, сказано.
Оставшемуся без воды башкиру
Верну воду, сказано.
Попавшему в рабство башкиру
Волю верну, сказано!

Салават говорит о попытках решить острые проблемы мирным путем: «Откупались золотом, отдавали коней». Однако «не насытилась бездонная мошна» власть имущих. Потому-то настало время идти в бой, «добывать свободу настало время». И следующие строки звучат как клятва народа:

Этот уголек в моей руке,
Уголек от наших сожженных домов.
Как дитя, кинутое в огонь,

Трепещущий и тлеющий уголек.
Этот обжигающий мне руки уголек
Будет свидетелем наших дел... [17, 83–84].

Стихотворные произведения Салавата также насыщены публицистическим содержанием. Таковыми, в частности, являются «Битва», «Юноше-воину», «Стрела». А в стихотворении «Кто батыр?» в образно-публицистической форме олицетворяется народное представление смелого и сильного мужчины:

Спрятав меч за полог юрты,
Рать врагов нам не разбить.
Гордой славы, мирной доли
Без боев нам не добыть.
...Кто в борьбе на сабантуе
Всех сильнее — не батыр!
Кто и скачет и танцует,
Всех ловчее — не батыр.
Кто на битву за свободу
Свой народ ведет — батыр!
Кто разбив врагов, народу
Звонко песнь поет — батыр! [18, 2].

Как подчеркивал М. Карим, эти произведения «...имели прямое назначение и попадали в цель... Говорили о том, ради чего и во имя чего идти в бой. И сами они шли в сражение» [19, 6]. По утверждению краеведа Р. Игнатъева, «Песни про Салавата вдохновляли мужество воинов, которые радостно шли на бой и не чувствовали ран, а смерть встречали с восхищением». Песни же, созданные после поимки Салавата властями, несут горечь невосполнимой утраты: «Кажется, если бы кто умел все рассказать, как этого достоин Салават, то заплакали бы и небо и земля, леса и реки стали бы издавать стоны...» [20, 33–34]. Имея сильное социальное звучание, стихи Салавата оказали громадное влияние на дальнейшее развитие национальной художественной литературы, а также публицистики.

Во второй половине XIX в. талантливая рука просветителя М. Акмуллы выводила стихотворные строки писем, посланий, ставших живым устно-поэтическим общением о наболевшем с народом. Поэтические формы публицистического обращения остались популярными и в XX в.: в годы Октябрьской революции («Послание башкирскому народу» Ш. Бабича), Великой Отечественной войны (поэма «Убей, сын мой, фашиста!» Р. Нигмати). К подобным формам прибегают и в наши дни (поэтическое обращение М. Карима II Всемирному Курултаю башкир, стихотворный призыв поэта М. Ямалетдинова в дни выборов президента республики).

Таким образом, у башкир испокон веков высоко ценится поэтическое, образное ведение беседы, т.е. в общении на первом месте иносказательность, многозначительность, что придает выступлению большой вес и убедительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — М., 1984.
2. Ф. 3. Оп. 12/108. Л. 152 // Научный архив института истории, языка и литературы Башкирской академии наук Республики Башкортостан (в дальнейшем — НА ИИЯЛ БАН РБ).
3. Кунафин Г. С. И песней, и сатирой. Развитие жанровой системы башкирской литературной песенной и сатирической поэзии XIX — начала XX вв. / Г. С. Кунафин. — Уфа, 1999.
4. Цит. по: Кульшарипов М. М. Меккензи Уоллес среди башкир / М. М. Кульшарипов // Сохраним выцветшие строки. — Уфа, 1988.
5. Ученова В. В. У истоков публицистики / В. В. Ученова. — М., 1989.
6. Башкортостан. Краткая энциклопедия. — Уфа, 1996.
7. Бурангулов М. А. Завещание сээна / М. А. Бурангулов. — Уфа, 1995.
8. Башкирское народное творчество. Эпос. Кн. 3. — Уфа, 1982.
9. Толстой Л. Н. Письма к С. А. Толстой / Л. Н. Толстой // Башкирия в русской литературе. — Уфа, 1991. — Т. 2.
10. Башкирские народные песни. — Уфа, 1997.
11. Цит. по: Волкова З. Н. Эпос Франции / З. Н. Волкова. — М., 1984.
12. Ахмедьянов М. Поэт / М. Ахмедьянов // Игебаев А. Разматывая жизни клубок. — Уфа, 2000.
13. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 598 (Отчет в Правительствующий сенат, составленный П. И. Рычковым).
14. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750) / П. И. Рычков. — Оренбург, 1895.
15. Мамин-Сибиряк Д. Н. Горная ночь / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Башкирия в русской литературе. В 6 тт. — Уфа, 1990. — Т. 2.
16. Некоторые зарубежные исследователи утверждают, что в эпоху, когда не было привычных нам средств связи, странствующие певцы выполняли функции, которые позже принимают на себя печать и радио. См.: Мейлах М. Б. Язык трубадуров. М., 1975. С. 28.
17. Антология башкирской поэзии. — Уфа, 1971.
18. Башкирские поэты. Стихи. — Уфа, 1948.
19. Карим М. Слово о Салавате / М. Карим // Наш Салават. — Уфа, 1973.
20. Игнатъев Р. Г. Песня о батыре Салавате / Р. Г. Игнатъев // Наш Салават. — Уфа, 1973.

Башкирский государственный университет
Кузбеков Ф. Т., доктор филологических наук, профессор
кафедры журналистики
E-mail: fanilkuzbekov@mail.ru

Bashkir State University
Kuzbekov F. T., Doctor of Philology, Professor of the Journalism Department
E-mail: fanilkuzbekov@mail.ru